

ДАР БЕСЦЕННОЙ КРАСОТЫ

О НЕЙ РАЗМЫШЛЯЮТ, КАЖДАЯ ПО-СВОЕМУ, "ЗВЕЗДА" ИТАЛЬЯНСКОЙ МОДЫ И РОССИЙСКИЙ ИСКУССТВОВЕД

Очарование и талант отличали Ирину Антонову и Лауру Биаджотти в массе приглашенных на вечерний прием. Они были вместе, в их честь, собственно, и давался прием, но "выкрасть" у публики сразу обеих знаменитостей для интервью мне не удалось. Разговор, таким образом, получился как бы в два этапа.

— Что такое, в вашем представлении, мода, синьора Биаджотти?

— Думаю, она является одной из самых важных сторон нашего поведения. Одеваясь, мы выражаем себя или, наоборот, прячемся. От этого зависит и выбор одежды. Бессознательно, мы тем самым творим себя сами. Все по-разному. Но, несомненно, — с помощью цветов, форм мы что-то сообщаем окружающим нас людям. Это своеобразный язык. Он международный, потому что восприятие людьми одежды универсально. Мода несет с собой видеоряд. То, чем так характерно наше время.

— Когда вы смотрите на мужчину или женщину, удается ли понять, кто "за одеждой"?

— О Боже, была бы в таком случае магом. Но, думаю, в любом случае отдельные черты характера человека можно разглядеть по тому, как он одевается.

— Мы, по-моему, не отдаем себе отчета, что одежда на человеке может "транслировать" окружающим ощущение гармонии или дисгармонии?

— Моя реакция в таких случаях чувственная. Я улавливаю исходящее от человека счастье. Или грусть, переживание. Иногда это подчеркнутое самовыражение человека. А порой — сознательное сокрытие своего "я". Размышляя в этой связи о моде, я часто вспоминаю фразу Шекспира в "Гамлете": "быть или не быть?" Мода как раз выражает собой это "быть или не быть", она может стать средством для самовыражения или способом ухода от себя, самосокращения.

— Какие ощущения вы испытываете, встречая людей, которые одеты совсем не по моде?

— Для меня это замечательное зрелище. Я не высказываю оценку, тем более не осуждаю. Обладая я истиной в последней инстанции, перестала бы заниматься модой. Но, повторяю, меня занимает любая одежда на людях, меня интересуют их представления о ней, о моде. Конечно, это не значит, что я все принимаю. Есть одежда, олицетворяющая агрессивность, есть та, что принижает человека. Мне не нравится, когда женщина или мужчина как бы упаковывают себя в коробку своим платьем или костюмом. Важно, чтоб одежда помогала человеку чувствовать себя лучше. На мой

Лаура БИАДЖОТТИ

взгляд, в этом предназначение моды, ее функция.

— Мода, на ваш взгляд, станет когда-нибудь массовой или останется для элиты?

— Думаю, что итальянская мода сделала в нужном направлении большой шаг вперед. Она "одевает" миллионы людей во всем мире. Французская мода осталась в основном для королевских домов, актрис, принцесс и так далее. Итальянскую моду сегодня можно заметить и в духах, в интимном белье, в обуви. Я желаю, чтобы это движение моды к массам стало еще более активным.

— Что вы цените в людях независимо от того, как они одеваются?

— Спонтанность. В поведении людей много как бы запрограммированного. Мне нравится поэтому улавливать настоящее, натуральное в человеческих взаимоотношениях.

— А украшения на женщине — что они для вас?

— По-моему, женщины носят серьги, кольца, кулоны, браслеты, в основном чтобы быть привлекательнее, красивее. Для меня украшения еще и "амулеты". Да, я верю в защитную силу некоторых драгоценных камней, металлов.

И в одежде важно, чтобы женщина чувствовала себя в украшениях естественно. Что касается выбора тех или иных украшений, то мы чаще покупаем их просто потому, что они нам понравились...

На этой фразе и завершилась наша беседа с Лаурой Биаджотти. Но когда через несколько минут мне удалось отвести в сторону хранилище Пушкинского музея Ирину Антонову, то она как бы продолжила прерванный разговор.

— О вкусах Лауры Биаджотти я знаю из двух источников. Во-первых, она коллекционер произведений Джакомо Балла. Это замечательный художник, которого не так-то просто познать с первого раза. На фоне других авангардистов первых десятилетий нашего столетия его произведения отличаются изысканностью, тонкостью, даже аристократизмом в форме и в цвете. Собственные модели Лауры — тоже примеры

Ирина АНТОНОВА.

изысканного, рафинированного вкуса. Он проецируется в выборе тканей, она любит струящиеся, мягкие, выгодные для женской фигуры ткани, которые, между прочим, довольно чувственные — они облегают, обрисовывают форму. А какое тонкое сочетание цветов — белого, кремового, золотистого, серого. В моделях Лауры нет агрессивности, которая свойственна современной моде. Она не бьет цветом, экстравагантностью, излишней зауженностью или укороченностью одежды. Ее работы отличается тонкость и изысканность.

— Не посчитайте мой вопрос

провокационным: у Лауры Биаджотти только на левой руке четыре или пять колец и перстень...

— Они есть и на правой руке...

— Каково ваше отношение к украшениям? Извините, смотрю на вас и не вижу такого обилия украшений. Это эстетический выбор?

— Я родилась в семье, где отец утверждал: ни при каких условиях нельзя покупать дачу, потому что собственность связывает. Так у меня дачи нет до сих пор. Хотя она была бы нужна мне особенно сейчас, в мои годы. Нежелание обременять себя дорогими вещами идет от семьи. Но вот о чем я подумала: если бы увидела такое обилие украшений на другой женщине, реакция была бы иная. А у Лауры Биаджотти это безумно красиво, художественно. На ней ювелирный антиквариат. Но она надевает кольца, перстни прежде всего как художник. У меня даже мысли не возникает, сколько мог бы стоить на ее руке перстень или бриллиант. Она могла бы придумать себе что-нибудь из скорлупы ореха, и на ней это выглядело бы красиво. Чаще же я вижу людей, которые носят на себе украшения, чтобы продемонстрировать свое благосостояние.

— Чувством меры, достоинством, артистизмом насыщены целые итальянские города — Флоренция, Рим, Верона, Сиена, Венеция...

— Согласна. Италия располагает к творчеству, является великим неиссякаемым источником искусства. Дай Бог, чтобы каждый россиянин хотя бы раз побывал в Италии. Здесь легко понять, что может сделать искусство с человеком, для чего оно вообще нужно. Байрон говорил, что Италией получен дар бесценной красоты. В России тоже много рассуждают на тему красоты. Пушкин, Гончаров, Достоевский только об одной "Сикстинской мадонне" писали, как об источнике величайшей радости, счастья, восхождения человека...

— Вы заговорили об этом с явно заметным беспокойством.

— Меня волнует, что наша культура наводнена сейчас антикультурой, обладающей разрушительной силой. В сегодняшней российской действительности немало положительного, но она измельчала в плане идеала, высоких категорий. Их надо внести в общество. При царях вносили социалистическое сознание в пролетариат. Теперь надо вносить идеалы культуры. Россия никогда не могла жить без большой, высокой культуры.

Павел НЕГОИЦА,
соб. корр. "Труда".

РИМ.